

УДК 719

В.В. Кулачков

**МАССОВОЕ СОЗНАНИЕ КРЕСТЬЯНСТВА ЗАПАДНОГО РЕГИОНА РОССИИ
В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ, РЕВОЛЮЦИИ И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ**

Брянская государственная инженерно-технологическая академия

Первая мировая война и последующие революционные события - период чрезвычайно насыщенный драматическими событиями и фундаментальными общественными сдвигами. Массовое сознание в этот период представляло гораздо более подвижным явлением, накапливающим новые черты и признаки и представляло собой сознание крестьянства как социальной общности. Период революции и гражданской войны способствовал радикализации массового сознания крестьянства, однако основной задачей крестьян было стремление защитить себя, свои семьи и имущество от государственного произвола. Становление новой экономической политики способствовало возникновению определенного компромисса во взаимоотношениях власти и общества.

Ключевые слова: первая мировая война, революция, массовое сознание, крестьянство, радикализация, консерватизм

Россия вступила в революцию с широко ощущавшимся недовольством существовавшим положением вещей и с пониманием исчерпанности ресурсов старого строя, отсутствием у него перспектив развития. Первое послереволюционное десятилетие – период чрезвычайно насыщенный драматическими событиями и фундаментальными общественными сдвигами. Массовое сознание в этот период представляло гораздо более подвижным явлением, накапливающим новые черты и признаки и представляло собой сознание крестьянства как социальной общности. Первая мировая война, которая предшествовала революционным событиям, также способствовала изменению повседневности крестьянства. В обстановке первой мировой войны усложнились отношения личности, общества и государства. Военная атмосфера, новые черты повседневной жизни, изменение условий существования, социального окружения вызывало у провинциальных жителей переосмысление ценностей и норм, восприятия себя как личности, равно как и своего отношения к ближайшей и высшей власти. Отправляясь служить царю и Отечеству, крестьянин переходил из одного социального и экзистенциального состояния в другое [1]. Отныне не он сам распоряжался своими поступками и даже своей жизнью, а государство целиком и полностью располагало им. Через это крестьянин чувствовал себя более тесно причастным государственному началу, становился частью государственного механизма. Эта теоретическая посылка подтверждается словами самих мобилизованных, чьим лозунгом у дверей винных лавок было: «Водка государева, и мы государевы, а кто не даёт её нам, тот изменник» [2]; садясь на ремонтных лошадях, запасные заявляли офицеру, что лошади теперь принадлежат им [2]. Подобные рассуждения объясняют настойчивость и решительность мобилизованных: даже самые резкие и очевидно противозаконные действия они считали для себя правомерными. Вместе с тем ещё требует уточнения вопрос о том, что же так жёстко определяло цель их действий. С моей точки зрения, спиртное выступает здесь как необходимый атрибут ритуального закрепления перехода в новое состояние. В большинстве культурных традиций тот или иной опьяняющий напиток используется как средство достижения особого сакрально отмечаемого состояния, служащего своеобразным медиатором между разными этапами жизни, которые воспринимаются традиционным сознанием как качественно разные формы человеческого существования. Эту функцию опьяняющий напиток повсеместно выполняет в свадебных ритуалах, при крещении (наречении имени), на поминальной трапезе [3].

Период мировой войны, революции и гражданской войны способствовал радикализации массового сознания крестьянства, однако нельзя категорически утверждать, что на-

строению большинства людей в деревне были присущи желание немедленно все разрушить и начать создавать новое общество. Понятно, что подобные настроения революционного утопического романтизма были весьма распространены. Крестьянскую нетерпимость к волостным старшинам и писарям как представителям старого мира, образно выразил в 1917 году крестьянин Потапов из Калужской губернии в письме Московскому совету рабочих депутатов: «Пока этот весь гной не выпустили, дело будет тормозиться. Надо очистить почву от этих злых плевел» [4]. В плане практического воплощения этих слов крестьяне стремились к обновлению состава волостных судов. Когда на заседании Орловского уездного исполкома 29 мая 1917 г. представитель одной из волостей спросил, как быть с прежним составом суда, которому народ не доверяет, ему ответил делегат Чудновской волости: «у нас избран новый состав суда по одному судье от каждого общества, и народ ему верит» [5]. Крестьяне с Морозово Щучинской волости Поречского уезда Смоленской губернии 27 сентября 1917 г. явились к мировому судье и потребовали удалиться, заявив, что: «никаких судов, кроме комитета, им не нужно» [6].

Все эти события происходили при Временном правительстве, которое слабо контролировало ситуацию в стране. Его комиссары на местах, в частности в Смоленской губернии, докладывали в 1917 г.: «Самовольная рубка частновладельческих и казенных лесов расширяется, принимая размеры поголовного истребления лесов... Милиция плохо поставлена, бессильна бороться и то, что она предпринимает, парализуется бездеятельностью судов... Комиссары одни бессильны, когда все организации сочувствуют поступкам населения. Революционная власть должна воздействовать на непокорных революции жестоким путем, истребление лесов можно прекратить только силой» [7]. Телеграмма от 24 апреля 1917 г. из Орловской губернии в адрес Временного правительства сообщала: «В Болховском уезде крестьяне самовольно устанавливают арендную плату, запрещают наниматься на полевые работы. В казенных лесничествах крестьяне удаляют лесную стражу» [8]. В Калужской губернии: «В Козельском и Калужском уездах крестьяне отказываются обрабатывать землю, требуют сдачи в аренду земли и лугов, не допускают рубки леса» [9]. Как это обычно бывает в смутное и беспокойное время, обострился и продовольственный вопрос: «Следует указать на вывоз хлеба из Орловской губернии крестьянами Калужской губернии. Крестьяне гужом и по железной дороге отправлялись за хлебом и ежедневно вывозили 8-9 тыс. пудов по страшно высоким ценам и без всякого учета» [10].

Для контроля ситуации в стране были необходимы грамотные кадры, но в годы гражданской войны катастрофически не хватало квалифицированных людей, умеющих работать с крестьянским населением. Так, в 1919 г. в отчете народному комиссару государственного контроля из Ливенского уезда Орловской губернии сообщалось: «Нужда в работниках в учреждениях страшная – совершенно отсутствуют мало-мальски опытные счетоводы... Между тем, после августовского крестьянского восстания, когда почти все представители власти и партии были перебиты – ни губерния, ни Центр, не прислали должного числа хороших работников и агитаторов, дабы правильно осветить задачи Советской власти и поднять в сознании крестьянства внутренний авторитет таковой» [11]. В отчете по Смоленской губернии отмечалось: «В распоряжении Губпродкома до сих пор нет точных статистических данных для учета населения, наличия хлебных запасов и будущего урожая; товарообмен, как средство получения от крестьян хлеба, совершенно прекратился в губернии» [12]. Деревенские коммунисты должны были стать основой партии, но селяне не имели особых оснований хорошо относиться к членам деревенских комячеек. Как правило, сельские коммунисты по своему уровню стояли ниже «среднего» хозяина; никакой партийной дисциплине они не подчинялись, да и контроль за их действиями вряд ли был возможен, «ячейка» представляла в глазах общины поощряемым начальством сообществом местных хулиганов, если не хуже того [13]. Инструктор НКВД в 1918 г. писал из Орловской губернии: «Деревенские ячейки требуют тщательной чистки, что может обеспечить спокойствие деревни» [14]. На Орловской губернской конференции коммунистов, проходящей 9 июня 1918 г., руководитель парт-

организации Э.О. Ваксин, характеризуя текущий момент и поведение крестьянства, заявлял: «Несознательные массы в настоящее время отклонились от нас...» [15]. На этой же конференции представитель крупнейшего в Орловской губернии Елецкого уезда Еркин говорил: «С крестьянами нам очень трудно сладить...» [15]. По некоторым свидетельствам (даже самих коммунистов), община укрепляла свои позиции, несмотря ни на что. Сельсоветы оставались фикцией, вывеской, прикрывающей ее всевластие [16].

Представляется, что по отношению к периоду революции и гражданской войны можно говорить лишь о «чрезвычайщине», хотя к концу стали появляться элементы «нормальности». Подтверждением этого может служить выдержка из доклада по Смоленской губернии Ф.М. Федорова, работающего в апреле 1920 г. при агитационном поезде: «В деревне промыслов никаких, кустарных начинаний нет... До сего времени подталкивали боевые лозунги и мы побеждали, за победой население ждало улучшения, а земного рая не видно и до сих пор» [17]. Выходец из крестьян, курсант курсов «Вымпел» Ф.М. Бобриков после возвращения из отпуска так описывал обстановку дома (Орловская губерния, Малоархангельский уезд, Губкинская волость, село Орляки, январь 1921 года): «Крестьяне только запуганы всевозможными агентами и отрядами, которые воспитывают дулом и плеткой, совершенно не нужны в деревне с таким примером» [18]. Курсант курсов «Выстрел» И.К. Петров в 1921 году после поездки домой (Смоленская губерния, Юхновский уезд, Ильи-Жаденская волость) сообщал в заявлении в партком: «сильно распространены незаконные обыски и реквизиции продуктов у крестьян, даже выполнивших разверстку... При обысках практикуется запугивание крестьян, оружием и арестом. В общем, ведут себя, как бандиты, и этим наводят страх на местное население» [18]. Действительно, в первые годы существования Советской власти таких случаев было огромное количество. Орловский губкомпартии докладывал в ЦК РКП (б): «Конец марта и первая половина апреля прошли под полосой кулацких восстаний, охвативших в той или иной степени все почти уезды (за исключением Карачевского и Мценского)» [19]. Секретарь Елецкого уезда РКП (б) К. Гроднер настаивал на применении репрессий при сборе чрезвычайного налога [20]. Крестьяне-уполномоченные Е.Т. Бондарев и П.Г. Сиволобчиков от хутора Сокольники Ленинской волости, Боровского уезда, Калужской губернии в письме председателю ВЦИК Калинину от 9 мая 1920 года писали: «Выполнение этих нарядов (*продразверстка*) производилось вооруженным продотрядом, и скот у некоторых брался влиянием силы оружия. Подобные распоряжения Боровского Райпродкома окончательно подрывают доверие власти, и в ней многие теперь видят безнаказанные, чуть ли не диктаторские, неправильные в то же время распоряжения» [20].

Понятно, что большинство крестьян стремилось жить спокойно, без применения насилия. Для многих жителей деревни первые месяцы существования нового режима принесли потери, которые невозможно было компенсировать. Менталитет революционного радикализма масс формировался не только стремлением к социальному реваншу, но и целым комплексом иных причин: низкой образованностью и неразвитостью интеллекта, специфической культурой российской деревни, самым стремительным водоворотом революционных событий, лишивших людей времени и способности трезво анализировать свои действия. Немалую роль в разжигании социальных инстинктов играли слухи и в целом революционная мифология, чрезвычайно искажавшая массовое сознание. Нарушения прав человека в годы Гражданской войны носили системный характер, поскольку, как справедливо отмечает В.П.Булдаков, «террор был для большевиков сначала средством разжигания так называемой классовой борьбы, а затем превратился в форму утверждения особого рода государственности» [21]. С этой мыслью согласен и С.А.Павлюченков, полагающий, что террор «одновременно служил и орудием борьбы, и инструментом социального преобразования общества. Террор врос корнями в большевистскую идеологию классовой борьбы и строительства бесклассового общества, питался ее соками, получая от нее энергию и нравственное оправдание» [21]. Эти мнения можно подтвердить отношением крестьян к натуралогу: «Граждане деревни Жилина в декабре 1921 г. Теплухин Григорий, Дмитриков Егор и Пашкин Анд-

рей дали обязательство..., что выполнят в двухнедельный срок... налог по селу и маслу» [22]. 8 сентября 1921 г. на заседании коллегии Брянского губернского продовольственно-го комитета прозвучали такие заявления крестьян: «Скажите, сколько с меня причитается, и я уплачу сдачу, чтобы развязать себе руки» [23]. В докладе члена Песоченской организации РКП(б) И.П. Ахрамеева после объезда Лосинской волости Бежицкого уезда сообщалось: «От уплаты продналога никто из граждан не отказывался, но есть беднейшее население, которое не может уплатить... Я говорил им, что будет создана специальная комиссия, которая решит судьбу взыскания с них налога...» [24]. К неплательщикам применялись административные и судебные меры воздействия. В 1921/22 г. из 176 тыс. крестьянских хозяйств на 0,2% было наложено пени, 0,75% предано суду и 1% арестовано [25].

Выступления против власти и борьба с ней различными средствами и способами, в том числе и с оружием в руках, активизировали деятельность революционных трибуналов. Так, приговор Смоленского губревтрибунала от 3 июля 1920 г. гласил: «Новодова и Ребинкова... как злостных преступников и изменников делу Рабочих и Крестьян в момент наступления польской и баронской белогвардейщины объявить вне закона и расстрелять в 24 часа» [26]. В 1921 году в адрес ВЦИКа была направлена телеграмма с просьбой о помиловании от имени Я.И. Лагуткина (Орловская губерния, Дмитровский уезд, Гладинская волость, село Столбово). Он писал, что является пролетарием и за сочувствие вооруженному восстанию в Дмитровском уезде приговорен к высшей мере наказания. Указывал причины для смягчения приговора: семья из 5 человек, отец 65 лет, брат в Красной армии, 3 детей и жена. Однако Орловский революционный трибунал сообщал, что Я.М. Лагуткин не достоин помилования, т.к. был активным участником Дмитровского вооруженного восстания в Орловской губернии в феврале-марте 1921 г. и отдавал распоряжения о расстреле коммунистов. Конечно, телеграмма не имела последствий [27].

Письма, жалобы, заявления с мест свидетельствовали, что усвоение «революционного правосознания», основанного на тотальном отрицании прав личности, давалось с трудом. Противоправные, с точки зрения нормального массового сознания, конфискационные действия властей вызывали поток писем во власть. Характерно, что люди не посылали на головы властей проклятья и не угрожали взяться за оружие. Наоборот, граждане пытались использовать малейшие юридические зацепки, какие только можно было выискать в зыбком правовом пространстве коммунистического режима. Это иллюстрирует прошение крестьянина С.А. Сироткина, датированное 1920 г. (Смоленская губерния, Гжатский уезд, Трубинская волость, дер. Лескино-Столбово) на имя председателя ВЦИК М.И.Калинина: «Я и мои дети никогда нигде торговлей не занимались, наемным трудом не пользовались, людей не эксплуатировали, а также спекуляцией не занимались, а жили и кормились своим честным трудом, что подтверждаю сельским приговором. Вследствие вышеизложенного, покорнейше прошу ВЦИК успокоить мою старость: освободить моего сына И.С. Сироткина из Смоленской тюрьмы; вернуть моим дочерям их приданое. При сем прилагаю приговор о раздельном состоянии моих детей и приговор о моей честной трудовой жизни» [27]. В данном случае характерна попытка построить аргументацию на формальных основаниях – ссылка на сельские приговоры. Это не единичные примеры ссылки на инструкции, постановления и декреты, что все чаще использовалось в качестве стратегии апеллирования к власти.

Основной задачей крестьян было стремление защитить себя, свои семьи и имущество от государственного произвола. Поэтому правовая и правозащитная тематика, равно как и собственно понятие закона, настойчиво входят в различные формы апелляции к власти в качестве способа нормализации отношений с государством, придания им более спокойного и прагматичного характера. Различные беззакония власти рождали потребность воззвать к рационализации взаимоотношений общества и государства, показать «вождям» практическую пагубность и невыгодность произвола по отношению к крестьянству. Это неминуемо выводило корреспондентов на упоминание о законе и необходимости его неукоснительного со-

блюдения. При этом многие крестьяне пытаются доказать, что они честно и граждански ответственно готовы пройти и реально проходят свою часть пути в направлении установления с государством социально доверительных и, главное, правооснованных отношений. Массовое нарушение большевиками прав собственности, всякого рода конфискации и реквизиции, коснувшись в той или иной степени большинства крестьянства, также вели к масштабной рационализации сознания. Именно борьба за собственность миллионов и миллионов людей в наибольшей степени характеризует уход от революционных мифов. Через противодействие всеокрушающему конфискационно-репрессивному маховику происходила активизация правосознания и гражданской психологии. Само большевистское начальство, как отмечает, в частности, А.Черных, все более и более ощущало, что для решения конструктивных задач (в том числе организации экономики, снабжения армии и в целом выживания коммунистического государства) негативная разрушительная энергия масс оказалась малопригодна или по крайней мере недостаточна [28]. Таким образом, реальная ситуация стимулировала ростки права в массовом сознании крестьянства и в целом большинство сельских жителей в ту эпоху отличало рациональное и прагматическое мировосприятие. Стремление спокойно и уверенно вести хозяйство, знать, каких действий следует ожидать от власти и как выстроить в связи с этим возможную стратегию поведения, – все это говорило о продолжении процесса рационализации массового сознания.

Библиографический список

1. **Булдаков, В.П.** Красная смута: природа и последствия революционного насилия / В.П. Булдаков. М., 1997. – 193 с.
2. ГАОО. Ф.580. Ст.1.Д.5962. Л.47.
3. **Топоров, В.Н.** Опьяняющий напиток // Мифы народов мира. Энциклопедия. Т. 2. – М., БСЭ.2000. С. 256-258.
4. Госархив Московской области. Ф.683. Оп.11.Д.31.Л116.
5. ГАРФ. Ф.6978. Оп.1.Д.416.Л.6.
6. РГИА. Ф.2049. Оп.1.Д.379.Л.105.
7. ГАРФ.Ф.1778. Оп.1. Д.56. Л.1-1об.
8. ГАРФ.Ф.1778. Оп.1. Д.302. Л.27-27об.
9. ГАРФ.Ф.1778.Оп.1.Д.302. Л.35об.
10. ГАРФ.Ф.1778. Оп.1. Д.302. Л.196.
11. ГАРФ.Ф.4390.Оп.1.Д.123.Л.72.
12. ГАРФ. Ф.4390. Оп.1.Д.275. Л.22.
13. **Павлов, Б.В.** Коммунистическая партия и советская политическая система в 1918–1920 гг. // Общественная мысль, политические движения и партии в России в XIX– X вв. – Брянск, 1996. С. 92–93.
14. ГАРФ. Ф.393. Оп.13. Д.270. Л.304об.
15. ГАОО. ФП. 1.Оп.1.Д.16.Л.11,17.
16. **Яковлев, Я.** Наша деревня. Новое в старом и старое в новом / Я. Яковлев. –М., 1924. С.141–142.
17. ГАРФ.Ф.130.Оп.4.Д.346.Л.1.
18. Письма во власть. 1917–1927. Заявления, жалобы, доносы, письма в государственные структуры и большевистским вождям. – М., 1998.
19. См.: Переписка секретариата ЦК РКП(б) с местными партийными организациями (апрель-май 1919г.). Сб. док-ов. Т. VII. М., 1972. С. 415.
20. **Осипова, Т.В.** Крестьянский фронт в гражданской войне // Судьбы российского крестьянства. – М., 1996. С. 106.
21. **Павлюченков, С.А.** Военный коммунизм в России: власть и массы / С.А. Павлюченков. – М., 1997. – 258 с.
22. ГАБО. Ф.Р-11.Оп.1.Д.533.Л.5.
23. ЦНИБО.Ф.29.Оп.1.Д.417.Л.21.
24. ГАБО.Ф.Р-11.Оп.1.Д.533.Л.15.
25. ГАБО.Ф.Р-11.Оп.1.Д.533.Л.44.

26. ГАРФ. Ф.Р-1005.Оп.67.Д.28.Л.137.

27. ГАРФ.Ф.1005.Оп.3.Д.35.Л.9.

28. **Черных, А.** Становление России советской: 20-е годы в зеркале социологии / А. Черных. – М., 1998. С. 22.

*Дата поступления
в редакцию 22.04.2011*

V.V. Kulashcov

**THE CONSCIOUSNESS OF THE MASSES OF THE PEASANTRY
WEST REGION OF RUSSIA IN THE YEARS OF THE FIRST WORLD WAR,
THE REVOLUTION AND THE CIVIL WAR**

The First World War and the subsequent revolutionary events - the period of extremely intense dramatic and fundamental social changes. Mass consciousness in this period appeared as a much more fluid phenomenon, accumulating new traits and characteristics and represents the consciousness of the peasantry as a social community. Period of revolution and civil war contributed to the radicalization of the mass consciousness of the peasantry, but the main objective of the peasants was to protect themselves, their families and property from state tyranny. Formation of a new economic policy has contributed to some compromise in the relationship of government and society.

Key words: The First World War, revolution, mass consciousness, the peasantry, the radicalization, conservatism.